

Март 1861

Организационные законы 26 февраля. — Венгерские отношения. — Французские клерикалы.

Вот уже более полутора года Австрия занимает Европу необыкновенными явлениями. Дело началось, как знает читатель, тем, что по окончании итальянского похода почтено было за нужное обещать реформы для успокоения недовольства, которое высказывалось все громче и громче после военных неудач. Перечислять реформы, делавшиеся в исполнение обещаний, было бы теперь совершенно напрасно, потому что ни одна из них не удалась, — мало сказать «не удалась», — ни одна и не дожидая до осуществления, хотя бы неудачного: все умерли на бумаге, поочередно будучи покидаемы одна за другою, для замены новыми опытами, подвергавшимися такой же участи. Закон о венгерских протестантах, учреждение «усиленного» государственного совета (читатель через несколько страниц увидит, что мы, вместе со всею говорящею на иных языках, кроме немецкого, Европою, ошибались, называя его государственным: следовало называть его имперским, потому что государственный совет должен считаться в Австрии сам по себе, а имперский совет тоже сам по себе, особо), диплом 20 октября, 25 рескриптов и манифестов, сопровождавших его, министерство Гюбнера, министерство Рехберга, — все это теперь «перейденные точки» или «преодоленные штанд-пункты», как говорится по-немецки. Теперь в Австрии «реализуется новый момент» или «преодолевается новая точка» преуспевающего «органического развития». 27 февраля нового стиля напечатана в официальной газете «*Wiener Zeitung*» конституция для австрийской монархии, — вот как падок человек на ошибки, особенно человек неосновательный и легкомысленный, каков составитель политических обозрений «Современника»: едва поправили мы свою прежнюю ошибку, как тотчас же сделали новую; следовало сказать не так, как мы выразились: «27 февраля напечатана в венской

газете конституция», по-настоящему надобно сказать: «напечатаны организационные законы», Organisations-Gesetze, ряд которых начинается императорским повелением, kaiserliche Verordnung, за которым следует «коренной закон об имперском представительстве» (Grundgesetz über die Reichsvertretung), а за коренным законом об имперском представительстве следует опять императорское повеление касательно созвания ландтагов и рейхстага, который рейхстаг в заглавии повеления назван рейхстагом, а в самом тексте повеления называется уже рейхсратом. Для непросвещенного читателя (если такой попадется между нашими просвещенными читателями) мы, пожалуй, и перевели бы на русский язык эти термины, да представляются тому две помехи: первая та, что непросвещенных не только читателей, а и вообще теперь людей нет: все поголовно просветились, так что уму помраченье: где вы теперь найдете в России человека с невежественным образом мыслей? Ни за какие деньги не найдете. Вторая помеха та, что и перевести нельзя: еще язык наш не выработался так, чтобы передавать все такие тонкости. Стало быть, не для кого переводить, да и нельзя перевести. Вы полагаете теперь: «значит, и переводу не будет». Как же вы плохо знакомы с российской логикой! по ней, если в посылках говорится: не надобно делать и нельзя сделать, то в заключении будет: «и так делаем». — Да, так мы с того начали, что по ненадобности и невозможности перевода следует нам перевести термин второго из повелений, напечатанных в Австрии 27 февраля. Ландтаг тут означает провинциальный сейм; рейхстаг — общий сейм всей империи; а называя этот рейхстаг рейхсратом, то есть имперским советом, повеление указывает, что сейм будет не сеймом, а советом: иначе сказать, что этому имперскому сейму или имперскому совету дается право не власти, а советования; причем подразумевается, что дурных советов никто не обязан слушать... Мы насчитали довольно документов, но вы не подумайте, что мы дошли до конца или хоть до половины всей этой документальной процессии: за вторым императорским повелением следует императорский патент о замене прежнего усиленного рейхсрата новоучреждаемым штатсратом, — вот опять-таки мы сделали ошибку: усиленный рейхсрат заменяется вовсе не штатсратом, а тем самым имперско-представительным рейхсратом, о котором говорилось в коренном законе о имперском представительстве; что же касается до новоучреждаемого штатсрата, он учреждается в замену прежнего рейхсрата, не как усиленного рейхсрата, а как постоянного рейхсрата, потому что хотя усиленный рейхсрат и был тот же постоянный рейхсрат, но однакоже, как постоянный рейхсрат, он был сам по себе, а как усиленный рейхсрат — сам по себе. За патентом о штатсрате следует статут штатсрата; а затем следуют четыре рескрипта: три первые к лицам благовидных фамилий, а четвертый к некоему президенту Мазураничу¹, кото-

рого немцы выговаривают Мазураник; затем следуют еще с десятков разных штук, а может быть и больше, одни под разными заглавиями, другие под одинаковыми заглавиями, как по предмету требуется. Словом сказать, все эти документы упечатались не иначе, как на 17 печатных листах газетного формата. От такого объема даже замедлилось обнародование конституции, виноваты, — организационных законов: думали издать их 21 февраля, — типография венской газеты не управилась к 21; отложили до 24; типография все еще не управилась; ну, думали, поспеет дело к 26 февраля, — и третья отсрочка прошла, а типография все работала и работала, и едва, наконец, справилась со всею этою кипкою документов к 27 февраля. Уже самая громадность объема показывает характер дела, которого нельзя было вместить меньше, как на 68 страницах, каждая в несколько колонн, из которых каждая колонна в несколько сот строк. Много-сложное дело, головомолное дело! нашим с вами головам, читатель, не вместить его. Потому-то истинным благодеянием надобно считать, что сама «Венская Газета» потрудилась пережевать за нас эту кипу бумаги и вложить в наши уста краткий пережеванный экстрактец не то на 7, не то на 8 длинных колоннах мелкого шрифта, так что при перепечатке в «Современнике» этот краткий экстрактец займет страниц до 30 примерно, а может быть и с хвостиком. Такой прием законоположительных объяснений осилить может человек. Итак, слушайте, мы переводим восьмиколонную статью «Венской Газеты»:

«Скоро исполнится тысячелетие Австрии; но во всей этой тысяче лет не много найдется таких минут, которые могли бы равняться с настоящею, по своему высокому политическому значению.

Верно понимая потребности времени, император манифестом 20 октября вручил народам своей империи акт нового основного закона, названный именем диплома, который содержит руководительную норму для конституционного устройства Империи, долженствующего воздвигаться на основании нераздельной, под властью царствующего дома, Австрийской единой монархии.

Его величеством возведено, что при сем принималось в соображение примирение прошедшего и его воспоминаний с практическими потребностями настоящего и требований отдельных народов с условиями существования монархии. Императору угодно основать возобновляемое утверждение и ограждение государственных уз монархии на учреждениях, которые равномерно отвечают с одной стороны различию народов по национальному, умственному и естественному характеру, а с другой стороны также и требованиям ставшего не менее их законо-историческим фактом единства австрийских земель, — на основаниях, равномерно дающих благоговейное выражение высшему закону свободы и человечности, гений которых парит превыше национальных различий, примиряя народы.

Этот государственный акт, без сомнения, есть величайший из всех, внесенных в летописи австрийской истории со времени прагматической санкции².

Правда, и в это промежуточное время не пусты оставались листы этих летописей; богаче всякого другого исторического отдела равного числа лет было это время отдельными фактами, дававшими существенные изменения и важные очищения юридическому состоянию всех слоев гражданского общества;

факты эти должны остаться не гибнущими, да и не могли бы отстранены быть без того, чтобы вновь не сделаться предметами пожирающего раздора между государственными гражданами. Во внешних отношениях Австрия, хотя и борющаяся с тяжелыми обстоятельствами, уже и по географическому своему положению всегда умела занимать важное всемирное значение и с честью всегда являться великою европейскою державою. В этих результатах общей богатой славными подвигами в море и на войне истории и не менее того в ряду общих учреждений, которыми Австрия стремилась стоять на высоте времени, уже лежат могущественные элементы соединенной силы».

А впрочем, не остановиться ли нам тут? не довольно ли будет и одной этой странички из обещанных нами 30 страниц? не лучше ли нам будет обратиться к самому коренному закону об имперском представительстве. Вот важнейшие статьи этого документа во всем ряду «организационных законов».

«Имперский совет, как известно читателю, разделяется на две палаты. Верхняя палата состоит из членов по праву рождения, по праву сана и по назначению императора. По праву рождения в верхней палате заседают совершеннолетние принцы императорского дома и вельможи, «отличающиеся обширностью поместий», которым император пожалует наследственное звание членов верхней палаты. По сану заседают в ней все архиепископы и те епископы, которым принадлежит сан, равный княжескому. По назначению императора пожизненно назначаются членами лица, которых он найдет достойными такого отличия.

Палата депутатов состоит из 343 членов (от Венгрии 85, от Трансильвании 26, от Богемии 54, Ломбардо-Венецианского королевства, — это имя сохраняется официальным австрийским языком за австрийскими землями в Италии, — 20, от Галиции с Краковом 38 и т. д.). Число членов, назначенное для каждой области, избирается в палату депутатов провинциальным сеймом этой области.

Президенты и вице-президенты назначаются императором.

Ведению имперского совета принадлежат все предметы законодательства, относящиеся к целой империи, в особенности рекрутские наборы и финансовые дела. Существующие подати и налоги продолжают быть взимаемы, пока не будут отменены. Проекты законов вносятся в имперский совет правительством. Но и совет может предлагать законы по предметам, ему подведомственным.

В периоды между заседаниями имперского совета министерство имеет право, в случае надобности, принимать меры, подлежащие его ведению, и без совещаний с ним, собственно властью. Когда имперский сейм вновь соберется, оно должно будет сообщить ему причины и результаты сделанных распоряжений.

Заседания имперского совета приостанавливаются, а также и палата депутатов распускается волею императора».

Из переведенного нами начала статьи «Венской Газеты» мы знаем, что «организационные законы» 27 февраля составлены на основании диплома 20-го октября, — кстати пользуемся этим сведением, чтобы поправить еще одну свою ошибку: с начала обозрения мы сказали, что диплом 20-го октября теперь уже «преодоленная точка», а вот теперь узнали, что он — вовсе не преодоленная точка, напротив, руководительная точка; но не о том речь, как мы ошиблись прежде, это мы заметили только кстати, — речь об организационных законах 27-го февраля. Составлены они на точном основании диплома 20-го октября, как мы знаем. Но диплом 20-го октября обнародован Рехбергом, реакционным министром, которого Шмерлинг низверг за его реакционность своим либерализмом. А Шмерлинг, надобно сказать, либерал; за то либеральные граждане Вены и выбрали его своим представителем в провинциальный сейм. Значит, хотя и писал он организационные законы на точном основании диплома 20-го октября, но все же развил эти реакционные основания в либеральном смысле, — значит, хотя и на точном основании диплома, но не столько держась буквы, сколько проникаясь тем же духом с другой точки зрения. Вот оно уже и вышло не то, что было в дипломе 20-го октября, а вышло гораздо лучше. Действительно, реакционный министр Рехберг предназначал имперскому сейму состоять из одной палаты, а по либеральному Шмерлингу вышли две палаты. По Рехбергу, что могло бы выйти в том случае, если бы провинциальные сеймы послали в имперский совет либеральное большинство? Вышло бы плохо. Ведь палата одна; либеральное большинство предлагает, — или советует, — сделать что-нибудь в своем либеральном духе; вот министерству и приходится отвергать несоответствующий с одной стороны и с другой стороны совет. А либерал Шмерлинг устранил всякую возможность этой неприятности. К палате имперского совета, составляющейся из депутатов провинциальных сеймов, он прибавил палату, в которой одна часть членов заседает по праву рождения, другая по назначению министерства. Вот теперь попробуй в нижней палате составиться либеральное большинство, верхняя палата будет отвергать все предложения нижней палаты, и до министерства они не дойдут и министерству не будет надобности отвергать их...

За исключением этой разности, выказывающей все превосходство Шмерлинга над Рехбергом в предусмотрительности, все остальное у Шмерлинга вышло точно так же, как выходило у Рехберга.

Оно как будто и так, а пожалуй, что и не так: есть одно важное усовершенствование. Вспомните, читатель, что устанавливаемый законами 27 февраля новый имперский совет, как народное представительство (по праву рождения и по назначению от министерства), заменяет собою прежний совет, как усиленный им-

перский совет; а тот же прежний постоянный совет заменяется другим учреждением — государственным советом. Вот вы вникните теперь, что такое за вещь этот новоучреждаемый государственный совет. Приводим существенные пункты из его устава:

«Президент государственного совета имеет сан министра и присутствует при совещаниях совета министров, не имея в нем права голоса. Он назначается императором, как и все члены государственного совета.

Общее назначение государственного совета советнически помогать умом, знаниями и опытностью своих членов императору и его министерству к достижению прочных, зрелых и последовательных принципов. А в особенности передаются на совещание государственного совета проекты законов, какие министерство намерено предложить имперскому совету или провинциальным сеймам, или проекты законов, возникшие из инициативы имперского совета или провинциальных сеймов и представляемые ими на утверждение императора. Проекты эти вносятся на совещание государственного совета его президентом или по повелению императора, или по решению совета министров.

Поступившие таким образом в государственный совет дела президент поручает обсуждать или всему государственному совету, или некоторым членам его, по своему выбору».

В переводе с австрийского языка это значит вот что: между обеими палатами имперского совета и министерством ставится государственный совет, как между второю палатою имперского совета и министерством ставится первая палата. Как первая палата имперского сейма отворачивает от министерства все покушения второй палаты, так покушения и все вообще неприятные отношения к обеим палатам имперского совета слагаются с министерства на государственный совет. Если в имперском совете кто-нибудь скажет что-нибудь неприятное для министров, министры в стороне. Государственный совет потрудится за них опровергнуть или отвергнуть все неприятное. Опять, если министрам понадобится внести в имперский совет что-нибудь неприятное, например, потребовать увеличения налогов, разъяснить спасительность каких-нибудь мер, осадного положения и т. д., министры тоже в стороне: государственный совет потребует и докажет все это от своего имени. А сам государственный совет надежен потому, что всякое дело отдается в нем на обсуждение именно лишь тем членам и только тем членам, которые согласны с министрами по этому делу.

Значит, опять-таки мы открываем ошибку в прежних наших словах: мы сказали, что важнейший из организационных законов 27-го февраля — закон об имперском совете. Оно на первый раз так и кажется неопытному уму; а на деле выходит, что имперский совет обращен в ничтожество статутом государственного совета.

Смотрите же, какая градация: вторая палата имперского совета связана первою палатою имперского совета; первая палата вместе со второю палатою связана государственным советом; государственный совет связан благоусмотрением своего президента, а президент государственного совета — чиновник, назначаемый министрами.

Любопытно, однако, узнать, в какой обстановке наслоились эти организационные пласты. На пробу приведем несколько отрывков из венской корреспонденции «Times'a». Из них мы увидим, какими конституционными мыслями занимался Шмерлинг с своими товарищами и начальниками, когда сочинял и обнародовал основания конституционного устройства Австрийской империи. Мы сначала прочтем отрывки из «Times'a» подряд, без всяких замечаний. Факты довольно ясны сами по себе.

«Вена. 20 февраля.»

С неделю тому назад военные сановники сообщали своим друзьям, что в Венгрии, не ныне — завтра, провозглашается военное положение; но я убежден, что кабинет не прибегнет к такой крайней мере, если не будет серьезных смут, сопровождаемых движениями в соседних турецких провинциях. Здесь полагают, что в Венгрии господствует полная анархия; но двое из моих знакомых, только что возвратившиеся из Пешта, говорят, что с восстановлением комитатских властей стало больше порядка, чем прежде. Комитатские конгрегации продолжают вести оппозицию правительству; но ни сами не нарушают порядка, ни другим не позволяют нарушать его безнаказанно. Эти слова могут показаться неправдоподобны, потому я замечу, что они вполне подтверждаются донесениями князя Франца Лихтенштейна, командующего войсками в Венгрии. Теперь в Венгрии, Трансильвании и проч. находится 80 000 человек войска; такая сила может охранить спокойствие, потому введение осадного положения было бы излишнею роскошью. «Пештский Ллойд» сообщил вчера, что в Лутоше (в Банате) арестован и посажен в Темешварскую крепость Ашбот, бывший генералом венгерской армии в 1849 году. Эта новость несколько удивила публику, которой известно было, что Ашбот просил и получила разрешение возвратиться на родину. Но жители Вены консервативно сообразили, что Ашбот, вероятно, составлял заговор. Года два Ашбот служил в компании французско-австрийской железной дороги, но месяца полтора тому назад вышел в отставку и с той поры жил очень уединенно. Семейство Ашбота не знает причины его ареста. Провозглашение осадного положения в Фиуме свидетельствует, что австрийские начальства находятся в страхе; а при этом не удивительно, что они употребили насилие против человека, прославившегося в войне 1849 года».

«Вена. 2 марта.»

Жители Вены недовольны новою конституциею, но телеграммы из Праги, Бронна, Тропнау и Граца говорят, что она принята чехами, моравянами, силезцами и штирийцами с восторгом. Посмотрим, однакоже, совершенно ли верны эти официальные известия, или они так же не точны, как известия, сообщенные начальствами в октябре при обнародовании диплома. Впечатление, произведенное новыми рескриптами в Венгрии, можно ясно видеть из последних номеров «Sürgöny», «Hirnök», «Naplo» и «Magyar Orszag». Газета «Sürgöny», орган венгерского придворного канцлера барона Вая, говорит, что обнародование статутотв вынуждает ее принять тон несколько иной, чем каким говорила она прежде.

«Мы считали, говорит «Sürgöny», диплом 20 октября хорошо «точкою отправления», твердо думая, что интересы династии одинаковы с интересами венгерского народа. Но документы, обнародованные 26 февраля, составляют странное дополнение к императорскому диплому. Вопрос разрешен односторонним образом, и наше положение существенно изменилось. Что должна делать венгерская нация при настоящем положении обстоятельств? Если она желает восстановить постоянный порядок дел, она должна собрать сейм, законный свой орган».

«Hispök», орган ультраконсервативной партии, говорит, что новыми документами начинается второй период реакции против Венгрии.

«Единодушие (продолжает «Hispök») необходимо, чем когда-нибудь, и венгерцы должны зорко заботиться о том, чтобы бразды правления не выскользнули из их рук в руки австрийской бюрократии».

«Narlo», главный орган умеренных либералов Венгрии, находит в новой конституции следующие недостатки:

I. Министры попрежнему остаются ответственны только перед государем.

II. Выборы на провинциальные сеймы отчасти производятся не самим народом, а выборы в имперский совет все вполне, потому что члены совета выбираются провинциальными сеймами.

III. Право инициативы сеймов и совета ограничивается лишь некоторыми делами.

IV. Ультра-консервативный элемент будет так господствовать в обеих палатах имперского совета, что невозможно будет сделать никаких улучшений в конституции».

«Magyar Ország», представитель ультра-либеральной партии, утверждает, что не придает важности новой конституции, которая, по его словам, останется недействительна для Венгрии.

«Мы думаем, говорит «Magyar Ország», что ни придворному канцлеру, ни жупанам нет надобности выходить в отставку. Императорские рескрипты 26 февраля подписаны министрами, не получившими полномочия быть представителями или защитниками венгерских интересов. Его величество обнародовал конституцию, как государь наследственных провинций своей империи (то есть провинций, входящих в состав немецкого Союза), а не как король венгерский, потому что иначе он нарушил бы наши основные законы. По отношению к Венгрии эта конституция только королевское «предложение», представляемое на благоусмотрение сейму. Если оно не будет принято сеймом, оно останется недействительно для Венгрии и может быть поддерживаемо лишь употреблением насильственных мер».

Все частные сведения, получаемые из Пешта, показывают, что бездна, разделяющая венгерскую нацию и австрийскую династию, сильно расширена рескриптами 22 февраля, и в Вене говорят, что ничем «кроме вооруженной силы не будут усмирены венгры». Спорный вопрос между Австриею и Венгриею так щекотлив, а сохранение целости Австрийской империи так полезно, что вообще я остерегаюсь высказывать свое мнение; но теперь я обязан заметить, что новая конституция не дает венграм гарантии в том, что деньги, ими доставляемые на государственные надобности, не будут растрачиваться на содержание армии, не соразмерной со средствами империи.

Протест пештского городского управления против введения осадного положения в городе Фиуме с его округом породил недоразумение между кроатами и венграми. Кроаты утверждают, что Фиуме принадлежит к Кроатскому королевству, и винят венгров в том, что они обнаруживают такой же дух захватывания и надменности, как в 1848 и 1849 гг. Австрийцы очень рады тому, что венгры, кроаты и сербы начинают ссориться между собою; но они не отваживаются питать надежду, что кроаты и сербы опять будут сражаться против венгров в защиту империи».

«Вена, 8 марта.

В конце 1860 г. император определил, что Темешварский Банат и Сербская Воеводина³ должны быть присоединены к Венгрии, а мадьярам было сообщено, что им будет предоставлено согласиться по спорным вопросам с жителями этих областей без вмешательства императорского правительства. Сербь, румыны и немцы, населяющие Банат и Воеводину, были довольны этим распоряжением; но патриарх Раяич⁴ напомнил правительству о данном в октябре обещании созвать иллирийский национальный конгресс «для восстановления старинных прав и привилегий греко-восточного населения провинций, принадлежавших к Венгрии». Пока была надежда, что венгры откажутся от требования, чтобы Венгрия имела свой особенный бюджет, исключительно зависящий от венгерского сейма, просьбы Раяича были оставлены без внимания, но как только обнаружилось, что венгры не делают уступки по этому вопросу, правительство снова стало восстанавливать одну национальность против другой. Результатом этих возбуждений было, что кроаты объявили венграм свое решение не отказываться от прав на Фиуме, а сербам выразили сильную симпатию. Чтобы сербы также имели случай поссориться с венграми, государственный министр созвал сербский национальный конгресс под председательством патриарха Раяича. В императорском рескрипте говорится, что этот конгресс «должен представить императору предложения о том, как обеспечить права и привилегии сербского народа», и что результаты его совещаний должны быть представлены в Вену «до открытия заседаний» венгерского сейма. Определить способ выбора членов конгресса поручено патриарху Раяичу. Этот рескрипт, данный 5-го марта, конечно, произведет сильное раздражение в Венгрии, потому что нарушает один из основных принципов венгерской конституции. Он дан не на имя венгерского канцлера, а на имя государственного министра Шмерлинга, который, по диплому 20 октября, не может заниматься венгерскими делами. Кроатский конгресс в Аграме очень недоволен венским правительством за то, что оно отказало жителям военной границы в праве выбрать депутатов на этот конгресс».

Дело так просто, что не стоило бы объяснять его, но мы чувствуем желание поразъяснить его еще.

В австрийском правительстве с конца прошлого года, когда убедилось оно в невозможности склонить венгров к добровольному отказу от стремлений 1848 года, вопрос идет не о том, каков должен быть окончательный способ развязки венгерских отношений, а только о том, пора или еще не пора приступить к нему, собраны ли или еще не собраны достаточные средства для надлежащего осуществления такой развязки, подготовлены ли те связи, пробуждены ли в достаточной силе те антипатии, опираться на которые надобно будет при этой развязке. А развязка эта — усмирение венгров по примеру 1849 года. Кроме дипломатических отношений, в разбор которых мы не намерены входить теперь, как и никогда не входим, с одной стороны по их совершенной неизвестности для нас, с другой стороны по их общеизвестности решительно для каждого, — кроме дипломатических отношений, важнейшее обстоятельство тут — надобность вооружить южных австрийских славян против венгров. Меры к этому приняты. Южные австрийские славяне принадлежат одному племени, разделяются, как известно читателю, на два как будто бы народа по вере: западная часть их, называющаяся

кроатами, держится католичества; восточные, удержавшие родовое имя сербов, остаются православными. С теми и с другими повторяется теперь австрийским правительством тот самый маневр, который так превосходно удался в 1848 году. У кроатов австрийское министерство созвало сейм под руководством своих чиновников и обещает этому сейму полную независимость от пештского сейма, стараясь убедить кроатов, что венгры хотят поработить их, о чем венгры не только теперь не думают, но и никогда не думали. У сербов австрийское правительство также созвало сейм под руководством патриарха Раячича, бывшего верным исполнителем венских инструкций в 1843 году, успешного тогда арестовать и отдать на суд австрийцам тех сербов, которые находили, что сербам следует принять выгодные условия, предлагавшиеся им со стороны венгров. Чрезвычайно важен вопрос, пойдут ли и ныне кроаты и сербы против венгров, как пошли в 1848 году. Мы подробно рассматривали шансы того или другого оборота дел месяца три тому назад. С той поры как будто несколько увеличилась вероятность, существовавшая уже и тогда, что южные австрийские славяне будут увлечены в борьбу за австрийцев против венгров. Но так ли будет, или возьмут верх иные стремления, могущие вести этих славян к союзу с венграми, все еще трудно сказать и теперь. Венгры, впрочем, говорят, что ни за что на свете и не хотят воевать ни с кроатами, ни с сербами: если вы не хотите союза с нами, говорят им венгры, делайте что хотите, лишь только не мешайте нам, венграм, отстаивать свою независимость. При этом венгры стараются доказать южным славянам, что на обещания австрийцев не следует полагаться. По этому последнему вопросу печатают венгры очень много рассуждений, кажущихся нам неосновательными. Вот один факт такого рода, наделавший большого шума, потому что изложен был не на венгерском, а на английском языке. Этот документ — напечатанное в «Times'e» письмо к редактору газеты:

«Милостивый государь! при настоящих попытках австрийского правительства не лишено будет интереса чтение документа, показывающего степень доверия, какую можно иметь к его обязательствам.

Известно, что в прошлогоднюю итальянскую войну формировался в Пьемонте венгерский легион. При окончании войны Виллафранкским миром легион имел уже около 5 тысяч человек, разделавшихся на две бригады, из которых одною командовал полковник Николай Косс, другою — полковник Даниэль Тарз.

Император французов, принимая живое участие в судьбе этих правых людей, не забыл вытребовать в самом договоре полную амнистию легионерам, которые пожелают возвратиться на родину. С другой стороны временное правительство Тосканы приглашало их в свою службу.

Начальники легиона, пораженные Виллафранкским договором, продолжали, однакоже, уважать императора французов. Потому они не посоветовали легионерам принять тосканское предложение. Но они знали по опыту, какую цену надобно придавать обещаниям, и видели всех легионеров в ужасе от одной мысли — быть взятыми в австрийскую службу; потому они почли своею обязанностью объявить, что легионеры не примут разрешения

возвратиться в Венгрию иначе, как с тем, чтобы, кроме полной амнистии, было дано им освобождение от всякой военной службы под австрийскими знаменами и чтобы это освобождение было гарантировано формальным обязательством австрийского правительства перед императором французам.

Император французам получил формальную гарантию этих условий и уведомил о том короля сардинского следующею телеграфическою депешою:

«Император французам королю сардинскому, Граф фон-Рехберг дал письменное обещание, что венгерцы иностранного (венгерского) легиона получат амнистию и освобождение от всякой военной службы».

Депеша эта была послана из Биаррица и получена в Турине 16 сентября 1859 года и была официально сообщена легиону.

После этого начальники легиона, уже не колеблясь, распустили своих солдат: они имели недвусмысленное обещание Австрии, которому не поверил бы, а формальное обещание, закрепленное речательством императора французам, который сумел бы заставить Австрию уважать его.

Каждый легионер, возвращаясь на родину, был снабжен удостоверением, что он получил амнистию и освобождение от австрийской военной службы. С этим документом у каждого из них пошли они небольшими отрядами на родину.

Посмотрим, что было с ними, как Австрия исполнила свои обязательства. Вот копия с подлинного документа, о котором говорил я в начале письма:

«В городе Масса ди Каррари, 8 июня 1860 года, Стефан Хетени, родом из Дзюнджолы в Венгрии, бывший унтер-офицер австрийского вазасского пехотного полка, а в 1859 году служивший подпоручиком в первой бригаде венгерского легиона в Пьемонте, по приведении его к присяге г. Шипио Бриньоли, присяжным стряпчим, в присутствии свидетелей, сделал следующее показание:

«Я, Стефан Хетени, бывший подпоручик венгерского легиона, объявляю под присягою, что венгерский отряд, получив, вследствие цюрихских переговоров, формальную гарантию полной и совершенной амнистии и освобождения от всякой военной службы в австрийской армии, был распущен, и мы были отрядами отправлены к французской границе, а там переданы были военным начальствам, предварительно уведомленным о нашем прибытии.

Я был в последнем отряде. 2 сентября 1859 года я с своими товарищами поехал из Алессандрии по железной дороге, под наблюдением пьемонтского офицера. 3 сентября мы прибыли в Пескьеру, были там переданы австрийскому офицеру и немедленно отправлены в Верону. Прибыв туда 4 сентября, мы были заключены в тюрьму, где оставались восемь дней. 13 сентября нас повели к генералу Фецлару, который до войны был моим полковым командиром. Он заговорил с нами грубо; с угрозами твердил нам, что мы недостойны принадлежать к Австрийской империи, потому что сражались, как львы, за Венгрию в войне 1848—1849 года против Австрии, а в войне 1859 надобно было артиллериею заставлять нас идти на французам и итальянцев. По окончании своих угроз он велел, отобрав у нас все наши деньги, отвести нас назад в тюрьму.

16 сентября поручики венгерского легиона Майко, Шеда, Кертези, Кисс, Мальмар, подпоручики Варзи, Хорват и я и еще один, фамилию которого не припомню, были приведены к австрийскому капитану, который велел надеть на нас австрийский мундир. Один из наших товарищей, подпоручик Кемяти, стал между солдатами, которые не предали его. Мы, остальные 11 человек офицеров и унтер-офицеров, были под военным конвоем отведены в маленький форт, отстоящий на полчас пути от крепости, и там оставались 24 часа заперты в тюрьме, каждый час ожидая, что нас расстреляют, как грозил генерал Фецлар, и лишившись всякой надежды.

По истечении 24 дней мы, под военным конвоем, были отведены по железной дороге в Венецию и там снова посажены в тюрьму; проведя там ночь, мы были конвоированы в Триест, где оставались в тюрьме до 14 октября, когда командующий войсками известил нас, что мы будем отданы

рядовыми солдатами в польские, немецкие и чешские полки. Я был разлучен с сотоварищами бедствия и, несмотря на мои протестации и доводы об амнистии и освобождении от военной службы, в чем имели мы письменные удостоверения, был отдан рядовым солдатом в пехотный полк Рос-Карло № 40. Прослужив 4 месяца, я был переведен в Полу, где стоял 2-й батальон, и там, не находя больше возможности переносить обиды и оскорбления, делавшиеся мне офицерами, я решился уйти из-под австрийского знамени, служить под которым был принужден насильем, в противность трактатам. 2 апреля я и четырнадцать товарищей (из них три венгра и одиннадцать итальянцев) захватили лодку и, после многих опасностей, вышли на берег 3 апреля в Порто-Корсини, близ Равенны, откуда пошли в Равенну, где были радостно встречены народом.

Товарищи, о которых говорил я выше, все были отправлены по разным полкам».

Подобным же образом 8 июня 1860 года Иван Камук, родом из Надьварада в Венгрии, ныне служащий унтер-офицером коновалом в пьемонтской Маскода бригаде, объявил под присягою у того же нотариуса, что служил до 16 января 1860 года в австрийском Дон Мишеля полку; он знает, что Стефен Керкиз и Самуэль Вейс, бывшие поручики венгерского легиона, были в сентябре 1860 года сделаны солдатами в этом полку, по приказу командира того полка, в противность данному им письменному удостоверению об амнистии и освобождении от военной службы, на которое они ссылались.

Эти документы подписаны многими свидетелями, и подлинность присланных нам от нотариуса копий засвидетельствована генерал-интендантом Массса-Каррарского округа.

Могу прибавить, что начальники венгерского легиона, настаивая перед императором Наполеоном о необходимости формального условия, избавляющего легионеров от всякой военной службы, указывали, что без такого условия всякое обещание амнистии было бы обольщением, потому что, если легионеры не будут освобождены от службы, австрийские офицеры получат приказание поступать с ними сурово под предлогом неисправностей по службе.

Мадьяр».

Мы вполне привели это длинное письмо с выпуском лишь некоторых (впрочем, довольно многих) резких выражений и со смягчением некоторых фактов. Вполне привели мы его потому, что беспристрастие повелевает нам выслушивать аргументы врагов для полнейшего впоследствии разъяснения их. Мы привели слова одной стороны. Выслушаем теперь опровержение их, напечатанное в официальном органе австрийского правительства — «Венской Газете»:

«Ни один из возвратившихся не был подвергнут никакому наказанию за свое военно-политическое поведение, за измену и предательство. Но противно здравому смыслу выводить из упоминаемой статьи трактата освобождение оных индивидуумов от всех обязанностей подданства (к которым, конечно, очевидно принадлежит и законная военная повинность). Все принятые нами по походе 1859 года пьемонтско-венгерские легионеры, в числе более 3 000, были размещены в Пескьере, частью в Вероне (в последней крепости в помещениях форта Гесса), продовольствованы, по надобности одеты, по мере средств, чрезвычайно занятых тогда работою железных дорог, транспорты пересланы в вербовальные округа их полков, в каковых местах до будущих распоряжений уволены в отпуск. Это распоряжение было тогда тем естественнее, что уменьшение состава армии по окончании войны было мерою, совершенно необходимою и оправдываемою заключением

мира. Касательно вышеозначенного отпуска относительно возвратившихся в числе, как выше сказано, сверх 3 тысяч голов (Körfe), только в 12 индивидуумах было сделано исключение, каковые, из уважения к их желанию повышения, обращены были на действительную военную службу. Эти 12 индивидуумов были политически в высокой степени подозрительны, имели при себе значительные денежные суммы от 400 до 500 флорингов, были изменнически беглые, императорско-королевские солдаты, которые в оном легине приняли высшие чины, чем какие имели в императорско-королевской армии. В заключение же существует на пространстве всей империи распоряжение, которым гражданские начальства обязываются солдат, поведением своим во время отпуска подающим основательный повод к опасениям за законную тишину и порядок, указывать подлежащим военным начальствам к немедленному прекращению отпуска. По сему едва ли сомнительно, что некоторые из оных 3 тысяч возвратившихся, быть может, неожиданно были призваны из отпуска на действительную военную службу; но в этом случае их призыв на службу был одною из тех обыкновенных мер предосторожности, без которых никакое, следовательно и австрийское, правительство не может обойтись и каковые должны находить в интересе общественного порядка ко всем без различия подданным государства применение, столь же беспристрастное, как и безусловное.

Надобно удивляться легкости, с какою опровергнута этими немногими словами клевета «Мадьяра»: факты, им приведенные, не отвергаются, но становится ясно, как день, что напрасно ставить их в порицание австрийскому правительству: во-первых, данное обещание следует понимать не в том смысле, в каком поняли его легионеры; во-вторых, если обещание и было дано в таком смысле, как говорит «Мадьяр», то по обстоятельствам невозможно было исполнить это обещание; в-третьих, легионеры не были принуждены служить; в-четвертых, если и были принуждены, то по особенным обстоятельствам.

Кстати, о тяжбах австрийцев с венграми в Англии перед европейской публикою. Читатель знает, что австрийское правительство подало в английский канцлерский суд просьбу о том, чтобы литографикам Дэ, которым Кошут заказал сделать венгерские банковые билеты, запрещено было передавать эти билеты в руки Кошута. Прения по этой тяжбе еще не начинались, а пока взято канцлерским судом показание от Кошута, — вот извлечение из этого документа:

«Показание, под присягою данное в канцлерском суде по делу между Францем-Иосифом, императором австрийским, королем венгерским и Богемским, истцом, и Уильямом, Джоном Дэ, Джозефом Дэ и Людвигом Кошутом, ответчиками.

Я, Людвиг Кошут, ныне жительствующий на Бедфордской площади, близ Россель-сквера, в графстве Миддлсекском*, показываю нижеследующее:

Я родом венгерец, дворянин из Земпленского комитета в королевстве Венгерском. Когда Фердинанд V, бывший король венгерский, перестал быть королем венгерским и через то престол остался не занят, я был от собранного и учрежденного венгерского сейма, состоящего из двух палат, апреля 14 числа 1849 года, назначен и наименован быть президентом-правителем

* То есть в части Лондона, лежащей на северном (левом) берегу Темзы.

до того времени, когда сейм установит окончательную форму правительства для королевства; и апреля 19 числа, в присутствии вышесказанного сейма, в главной реформатской церкви города Дебречина, дал я торжественную присягу, определенную для меня сеймом в звании правителя-президента, и клятвенно обещался верно и неизменно соблюдать власть и обязанности, возложенные на меня вышесказанным сеймом. Вышеобъясненное назначение и наименование и возложенные через то на меня власть и обязанности остаются доселе неотмененными и незамененными и не воследовало доселе никакого иного назначения и наименования; никто с того числа, когда Фердинанд V⁵ перестал быть королем венгерским, не был призван занять престол венгерский и не был принят или коронован, как король венгерский, вышесказанным венгерским сеймом, которому, по основным венгерским законам, исключительно принадлежит власть совершать эти акты.

Истец не имеет и никогда не имел исключительного права выпускать в Венгрии билеты для обращения в качестве денег. Даже в качестве короля венгерского он не имел бы привилегии и власти без согласия сейма, и не только не была никогда даваема венгерским сеймом эта привилегия и власть ни одному из королей венгерских, но венгерский сейм формально постановил запрещение, чтобы король не мог выпускать кредитных билетов собственной властью. Единственное лицо, которому когда-либо дана была венгерским сеймом власть и право выпускать билеты для денежного обращения в Венгрии, и единственное лицо, когда-либо имевшее законную власть выпускать такие билеты, я, — которому, во время бытности моей в 1848 году ответственным министром финансов тогдашнего короля Фердинанда V, право и власть выпускать такие билеты была дана государственным сеймом и которому, по моему назначении, наименовании и приведении к присяге в звании президента-правителя Венгрии в 1848 году, было государственным сеймом возобновлено право выпускать такие билеты на удовлетворение тогдашних надобностей.

Истец не имеет и никогда не имел исключительного права уполномочивать на приложение национального герба, неправильно названного в той жалобе королевским венгерским гербом, к какой-либо бумаге, предназначенной для обнародования и для обращения в Венгрии. Даже в качестве короля венгерского он не имел бы этой привилегии и власти. Королевского венгерского сейма не существует и никогда не существовало. Корона венгерская, составляющая важнейшую часть в венгерском гербе, есть собственность нации.

Несправедливо и противно истине, что я, по получении билетов, неправильно названных в упомянутой жалобе «поддельными билетами», намеревался немедленно послать их в Венгрию. Я утверждаю и объявляю, что при нынешнем положении Европы и австрийского правительства, считая не только возможными, но и очень вероятными перемены в отношениях права к насилию, я считал себя обязанным принять зависящие от меня средства на случай вероятных обстоятельств и потому распорядился об изготовлении этих билетов и о их сохранении в Англии до того времени, когда представятся обстоятельства, при которых можно будет употребить их в Венгрии сообразно событиям. Лишь тогда, когда произойдет то, что истец называет революцией, билеты, упомянутые в жалобе истца, могут приобрести ценность в Венгрии.

Жизнь моя и действия мои известны свету. И моим желанием и заботою было никогда не совершать в Англии действий, которые были бы или могли бы казаться нарушением законов Англии.

Дано под присягою 16 марта 1861 года.

Кстати уже о тяжбах. В прошедший раз мы упоминали об официальной брошюре «Франция, Рим и Италия», — французские епископы вооружились на нее в своих пастырских посла-

ниях, и особенно сильно выразил свои чувства епископ пуатьерский, — это все известно читателю; вот отрывок из корреспонденции «Times'a» по этому делу:

«Париж, 28 февраля.

В «Monde» напечатано послание епископа пуатьерского к духовенству его епархии: «О порицаниях, возводимых на святейшего отца и на французское духовенство в брошюре г. Лагероньера — «Рим, Франция и Италия». Оно наполняет почти целых шесть столбцов газеты. Епископ пуатьерский — один из самых крайних людей между французскими прелатами. В нынешнем своем словоизлиянии он совершенно забывает Лагероньера, направляя свои удары гораздо выше. Я приведу два отрывка, из которых вы увидите, какое чувство возбуждено в духовенстве брошюрою.

«Последнее основание надежд наших (говорит епископ) — явное смущение, обнаруживаемое в последний час людьми, господствующими над нами. Да, справедливо говорят они, что есть в Европе вопрос, который выше всех других. Да, «Рим доселе остался величайшею и страшнейшею задачею нашего времени!» Римское папство — ключевой камень свода европейского мира. Поразив разрушительным молотом все части здания, решительная рука медлит и дрожит при мысли дать упасть этому главному камню, втому священному камню, который связан со всем и которым все держится. Они понимают, что когда папа не останется на своем месте, никакая земная власть не будет спокойна на своем месте и вся земля потрясется. Потому с приближением роковой развязки они стараются доказать, что не через них стала она неизбежна.

Катастрофа будет так ужасна, что никто не хочет принимать на себя ответственности за нее, и вот выдумывают сложить все преступление на самую жертву. О, как жестоко ошибся тут автор, делающий истолкования, столь оскорбительные для тех, кого хотело защитить перо его. Враги Рима повсюду говорят, что эта брошюра — последнее притворство почтения, но что в сущности смысл ее непременно тот, что после этого последнего возгласа о своем доброжелательстве воспользуются первым предложом, первым случаем, который легко предусматривается и легко может быть порожден, и что Рим будет предан честолюбию, требующему его. Брошюра утверждает противное, и мы ей верим, но какое несчастье, что все могли усомниться в ее искренности. Нет, не оправдаются торжественные песни еретического и революционного нечестия; нет, не повторится при нас одна из самых ненавистнейших подробностей страданий Спасителя.

Мы принадлежим к верующим в данное слово и потому отвергаем выводы, какие придавались брошюре.

По сим причинам, призвав имя божие святое,

Мы постановили и повелили, постановляем и повелеваем следующее:

Статья 1. Мы отвергаем и анафематизируем обвинения в неблагодарности, закоснении, несправедливости, пристрастном духе и другие оскорбительные порицания против римского первосвященника и французского духовенства, содержащиеся в вышесказанной брошюре.

Статья 2. Мы советуем верующим предостерегаться против всех нечестивых клевет некоторых газет по поводу настоящих событий в их отношении к религии и церкви.

Статья 3. Общественные молитвы, повеленные нами, должны продолжаться попрежнему. Мы требуем у всех благочестивых душ удвоенного усердия. Молитвою уже достигнуты великие результаты; да не утомится она, и она будет вполне услышана.

Статья 4. И будет наше настоящее повеление читано за обеднею в приходских церквях нашего города Пуатье и других городов нашей епархии, а также в других приходах, священники которых будут иметь причину думать, что до их прихожан достигла брошюра, на которую мы отвечаем.

Дано в Пуатье, в нашем епископском дворце, под нашу печатью, нашим гербом и контрастигировкою нашего секретаря, 22 февраля, лета от рождения Бога Слова 1861-е, в день празднования кафедры Апостола Петра Антиохийской.

† Людовик-Эдуард, епископ Пуатьерский».

Это послание произвело чрезвычайное впечатление. Многие лица сознают свой страх о том, как подействуют эти слова в глубине провинций, когда это пламенное изобличение будет читаться в каждой церкви за обеднею. Ныне был слух, что «Monde» и «Union»⁶ будут запрещены за напечатание этого документа и что вопрос о послании будет представлен государственному совету. Но от этого, конечно, стало бы еще хуже».

«Париж, 1 марта.

Война между правительством и епископами разгорается. Все это происходит от неблагоприятного и не слишком почтенного метода говорить с нацией посредством полуофициальных брошюр. Вчера я говорил вам о побеге Лагероньера епископом пуатьерским. Епископу пуатьерскому отвечали не через памфлетиста, а через диспутанта, более надежного. В спор вмешалась власть, и результат сообщается Монитёром:

Епископ пуатьерский обнародовал в газете «Monde» пастырское послание, содержащее намеки, оскорбительные для императорского правительства, и могущее волновать общественное мнение. Вследствие того и, согласно статье 6 закона 18 жерминаля 10 года, это послание было предложено верховной юрисдикции государственного совета, которому подсудны все случаи злоупотребления церковной власти.

В добавление к тому министр внутренних дел послал следующее письмо к префекту вьенского департамента (где лежит город Пуатье).

«Г. Префект! в ответ на вашу вчерашнюю депешу, сообщающую мне пастырское послание монсиньора епископа пуатьерского, уведомляю вас, что правительство внесло в государственный совет дело о злоупотреблении церковной власти прелатом, отважившимся употребить авторитет своего сана на служение страстям, чуждым интересу религии. Перепечатка этого письма в газетах и в виде брошюры, сверх его специального круга публикации, могла бы дать причину к административному или судебному наказанию. Но как министр внутренних дел, я почел, что противно было бы интересу правительства отнимать подобные излишества у суда общественного мнения. Потому я решился не принимать никаких мер в предупреждение печатания документа, с такою отважностью раскрывающего тайные мысли партии, которая под покровом религии имеет единственную целью нападать на избранника французского народа».

Теперь дело кончилось тем, что государственный совет признал послание епископа пуатьерского достойным «порицания».

Об итальянских делах мы здесь не имеем надобности говорить, напечатав письмо г. Т-нова из Турина, а от американских избавляем на нынешний раз читателя: мы теперь еще знаем только, что Линкольн вступил в звание президента, но еще не имеем достоверных сведений о том, уступчивая ли политика умеренных республиканцев (представитель которой в новом кабинете — Сьюард), или политика аболиционистов, желающих войны (представитель которых — Чез), восторжествует в общественном мнении Северных Штатов, — отложим подробности до следующего раза, потому что в нынешней книжке уже и без того есть большая статья о Северной Америке⁷.